

Иной характер носит упоминание поля Куликова в другой группе текстов. Здесь Куликово поле — некая эпическая земля, где богатыри проводят многие годы жизни, куда они попадают в своих странствиях.

По полюшку было, да было жа полю Куликовскому,
Там ходил жа вот бы млад Добрынюшка,
Да гулял жа он не год, гулял он не год, не два,
Прогулял жа вот бы млад Добрынюшка,
Да гулял он ровно тридцать лет,
Ровно тридцать лет, еще три года.

(Миллер, № 34)

В другом тексте Добрыня хочет погулять по полю Куликову (Тихонравов—Миллер, № 22). Илья Муромец едет по Куликову полю и называет на камень с предупредительными надписями (Тихонравов—Миллер, № 4; там же, стр. 273).

Князь Владимир, узнав об опасности, угрожающей Киеву, просит Илью Муромца собрать богатырей; Илья Муромец едет за ними на поле Куликово (Киреевский, I, стр. 59).

Рассказывая своей «турице матушке» о том, где они гуляли, туры перечисляют различные эпические места, и в том числе

Сорочинско славно полё поперек прошли,
А Куликово поле с угла на угол.

(Ончуков, № 18).

Как обычная традиционная формула воспринимается упоминание о поле Куликовом в вариантах былины о Козарине (Миллер, № 69) и песни о Марье Юрьевне (Миллер, № 78): здесь Козарин расстаётся с сестрой у Куликова поля; в Куликово поле бежит Марья Юрьевна, спасаясь от татар.

Пожалуй, наиболее часто Куликово поле упоминается в былинах и исторических песнях как место казни: сюда приводят иногда на казнь Соломана («Соломан и Василий Окулович»), особенно часто сына Ивана Грозного («Гнев Ивана Грозного на сына»), Дуная («Дунай и Настасья»), молодца из песни-баллады «Молодец и Королевична», сестру Петровичей Сбродовичей (Гильфердинг, III, № 278; Миллер, № 63; Тихонравов—Миллер, стр. 275; Ончуков, № 92; Марков, №№ 3, 37, 54, 93; Киреевский, II, стр. 69 и др.).

Приведенные примеры показывают, что Куликово поле сравнительно прочно вошло в ряд других эпических мест, упоминаемых в былинах, балладах и исторических песнях.² Однако эти упоминания не отличаются особой устойчивостью, они не связаны с какими-либо определенными сюжетами. Перед нами, по-видимому, тот типичный в эпосе случай, когда образ не является исконым для песен, а вошел в них из более или менее поздних живых народных впечатлений.

Обратимся к другому имени, прочно связанному с Куликовской битвой. Довольно редко, но все же встречается в былинах имя Мамаю. Знают певцы и о «Мамаевом побоище». В сборниках Рыбникова, Гильфердинга, Ончукова и некоторых других имя «Мамай» и производные от него отсутствуют. Зато в текстах собраний Киреевского и особенно Григорьева

² «Куликово поле в былинном обороте стало уже эпическим названием поля, на котором происходят битвы и совершаются казни. „Московский отпечаток“ виден в том, что оно перенесено в Москву, где всего чаще совершались казни в XVI в.» (В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, III. М.—Л., 1924, стр. 79)